

ПРИЛОЖЕНИЕ

«ЦВЕТЫ МОРИИ ВСЁ ЦВЕТУТ В ДУШЕ МОЕЙ»

Из писем В.А.Перцова к Ю.Н.Рериху

Имя Владимира Александровича Перцова, появившееся в среде русской эмиграции в 20-е годы нашего столетия, принадлежит к числу неизвестных современной науке. Перцов окончил Гарвардский университет в Кембридже (США) и благодаря своему таланту исследователя возглавил Химическую лабораторию при этом же университете. Он находился в Гарварде до 1933 года и затем переехал на жительство во Францию, в маленький городок Монпелье в предгорьях Альп. Там след ученого теряется, хотя известно, что его близкие родственники оставались в Америке. (Родной брат Перцова обосновался в Чикаго и сотрудничал с Музеем Рериха в Нью-Йорке). Историкам науки еще только предстоит по-настоящему открыть личность и труды этого талантливого ученого.

На страницах нашего журнала публикуется подборка писем В.А.Перцова к известному востоковеду Ю.Н.Рериху. Письма повествуют о создании Биохимической лаборатории в Гималаях и об участии Перцова в этой уникальной работе. Настоящая публикация стала возможной как результат кропотливых поисков в Индии и США, которые проводились в течение последних нескольких лет. Обнаружено 55 писем В.А.Перцова, написанных им в период с 1923 по 1933 годы. В настоящее время они хранятся в архивах Музея Н.Рериха в Нью-Йорке и Министерства иностранных дел РФ в Москве. Публикация В.А.Росова.

1.

24 декабря 1923

Дорогой Юрий Николаевич,

Спасибо Вам за хорошее письмо. От него веет духом, которым мы крестились. Было совершено чудо. Цветы Мории всё цветут в душе моей. Но вынести их в мир так трудно, так трудно...

Я следую пути науки, чистой науки. Мне должно быть так положено. Наука сильнейшее орудие, и правильно говорят индусы: «Deux chemins mènent à Dieu: la science et la mort».* Но поэту и мистика наука страшна своей кристальной холодностью: по существу это особое прислушивание к механизму материи. И надо быть тихим и спокойным, чтобы слышать.

А во мне иной раз нечеловеческие бури! Вернее, это как бы вздохи большого океана. Великое проникновение называется оно...

* Две дороги ведут к Богу: знание и смерть (франц.).

Но с тем светом, что в моей душе, ничего не страшно и не больно.
Не разрывайте единение круга и пишите почаще. Мой большой поклон Вашему отцу и всей Вашей семье.
Крепко жму Вашу руку.

Владимир Перцов

2.

Hubbardston, Massachusetts.
7 августа 1930

Дорогой Юрий Николаевич,
Наконец-то получил от Вас письмо, которое ждал. Ваше с парохода, по-видимому, пропало.

Из газет узнал, что Вам отказали в визе в Индию. Тупость британских агентов на Востоке всемирно известна, но в Вашем случае она превзошла все пределы. Из Вашего письма вижу, что есть надежда, что все уладится.

Хорошо бы уговорить какого-нибудь бывшего вицеероя* сделаться «четвертым» вице-президентом Института. Если оные варвары начнут систематически вмешиваться в научную работу, будет трудно. Все-таки на их стороне флот, сипаи и наследственная тупость. Суворов сказал: промедление — смерти подобно. На всяких препонах варвары будут отыгрываться.

Рад, что работа Института все же подвигается. Очень ценно будет иметь сотрудником медика-фармацевта. Он будет необходим в нашей лаборатории. С нетерпением ожидаю узнать содержимое 36 ящиков — «даренному коню в зубы не смотрят», но в данном случае, меня близко касающемся, хочется заглянуть**.

Жалко, что вопрос разработки планов лаборатории пришлось связать с Вашим приездом в Наггар. Архитекторы работают медленно. Может быть, будет возможно начать разработку первого этажа сейчас, оставив вопрос подвала и крыши до вашей личной разведки местных возможностей. Мой приезд в Индию тесно связан с завершением этой постройки.

* вице-короля

** Речь идет об оборудовании, которое передали американские учреждения в дар Институту Гималайских исследований «Урусвати» для обустройства будущей Биохимической лаборатории.

С удовольствием внесу свою лепту в Bulletin.* У меня сейчас есть статья о научной работе Ломоносова, в которой я впервые даю описание на иностранном языке некоторых из его опытов. Если хотите что-либо более специальное, то могу представить статью, касающуюся аминокислот, над которыми я сейчас работаю.

Спасибо за Вашу статью. Эти знамена имеют глубокое значение и в истории, и в будущем творчестве.

Шлю Вам свои лучшие пожелания. Да хранит вас Наставник. Пишите: не забывайте, что всякая мелочь об Институте мне важна, как жизнь.

Ваш Владимир Перцов

3.

29 Shepard Street, Cambridge.
8 октября 1930

Дорогой друг, Юрий Николаевич,

Простите, что так долго не отвечал на Ваше письмо, но с началом года был настолько завален работой, что для себя не оставалось времени. Сейчас студенты немного утряслись, и наступает период более планомерной работы.

Завтра Вам высылаю свою статью о Ломоносове. Она состоит из двух частей: первая — чисто биографическая, вторая — описание его научных работ. Если вы стеснены местом, сократите первую половину, как хотите. Если нужно — можно будет перевести статью на французский язык. Я думаю, что вы знаете достойных переводчиков. Расходы я возьму конечно на себя. Во всяком случае, не забудьте прислать сто оттисков.

Мысли мои с Институтом. Как идет дело? Одолели ли вы варварские препоны, добились ли визы? Боюсь, что и я буду отвергнут Британским правительством. За меня не будут хлопотать правительства и лорды и из всех моих заступников могу только назвать: Св. Сергия Радонежского и одного английского капитана, которого знает моя жена. Но неисповедимы пути Господа!

Ваша мысль — прислать мне экстракты медицинских трав, дала мне нижеследующую мысль, которую предоставляю суду Вашему.

* Бюллетень (англ.) — журнал Института Гималайских исследований «Урусвати».

На время, пока Индия для нас закрыта, организовать временную лабораторию во Франции. В случае Вашего согласия я возьму на себя вопрос здания и финансовые расходы, с ним связанные. В минуту трудную мы должны помогать друг другу, чем можем. Остальные планы остаются те же. Но я думаю, что можно будет сократить расходы на библиотеку, поместив временную лабораторию неподалеку от какого-нибудь французского университета. Мне лично нравится район Гренобля во французских Альпах. Пейзаж и климат подходят там ближе к Гималаям.

Вся установка аппаратов и т.д. будет такого характера, что при первой возможности все можно будет перевезти в Кулу.

Я думаю, что снабдив имеющиеся силы в Кулу соответствующими детальными инструкциями и простейшими аппаратами для экстракции, можно много ценной работы сделать и во Франции.

Жду с нетерпением Вашего мнения о всем вышеизложенном.

Крепко жму Вашу руку,

Владимир П.

P.S. На мой запрос касательно списка биохимического снаряжения, поднесенного Институту в дар, Ваша секретарша мне ответила что такого у нее не имеется.

Возвращаю с благодарностью фотографию д-ра Кёльца (Dr. Koelz) в Ваш архив.

В.

4.

29 Shepard Street, Cambridge.
29 ноября 1930

Дорогой Юрий Николаевич,

Получил от Вас письмо из Порт-Саида, извещающее, что Вы на пути в Кулу и надеетесь туда прибыть в ближайшем будущем.

В это же самое время здесь носились слухи (привезенные мадам Завадской), что Вы куда-то уезжаете, куда — было неизвестно, но все были уверены, что Вы едете на Восток. Мадам Завадская склонялась к мысли, что Вы едете в Индокитай. Я лично думал, что Вы едете в Кулу. Чтобы рассеять эти сомнения, я написал в Музей Рериха с просьбой

сообщить мне Ваш адрес, мне дали тот, который находится на конверте этого письма.

Как видите, все получилось довольно запутанно. Но я надеюсь, что His Excellency, The Governor, * перешлет это письмо, куда следует. Я также надеюсь, что Вы проследовали в Кулу.

Статью Вам о Ломоносове послал, но боюсь, что она Вас не застала в Париже. Надеюсь, что мой пакет Вас догнал и Вы сейчас наслаждаетесь чтением о наших северных делах, сидя под тропической пальмой.

Все время занят со своей лабораторией: со мной работают два студента, которые требуют много надзора.

Между прочим я начал изучать одно вещество (составная часть мозга), которое называют лесецин. Субстанция эта весьма поразительных и нескончаемых возможностей. Сейчас пытаюсь выработать методы разделения разных лесецинов (их несколько) для того, чтобы изучить свойства чистого вещества. Второй мой студент занят проблемой по вопросу ферментов.

Очень надеюсь, что я скоро смогу работать в Доме нашего Учителя. Я оповестил администрацию Гарварда, что моя с ними служба кончается 1 сентября 1931 (следуя нашему уговору в Кембридже).

Пишите, Юрий Николаевич, почаще. Новостей у Вас больше, чем у меня.

Пока, крепко жму Вашу руку,

Ваш Владимир П.

5.

29 Shepard Street,
Cambridge, Massachusetts.
22 апреля 1931

Дорогой Юрий Николаевич,

Получил Ваши письма от 12 и 19 марта. Сперва отвечу на Ваши вопросы в письме от 12-го. Касательно английской выписки, начинающейся: «Would greatly appreciate it if you will tell us... definite needs... Kulu whatsoever».^{**}

* Его Превосходительство Губернатор (англ.)

** Были бы Вам весьма признательны, если бы Вы сообщили нам... конкретные нужды... всё о Кулу (англ.).

Если хотите мое мнение: не просите «donate».* Фирмы эти существуют для продажи, а не для подарков. Если там будут дарить инструменты, то должны они дарить и Рокфеллеровскому институту, и другим институтам, не только Вашему. Я боюсь, что Вы такой просьбой испортите Ваш кредит. Я посему ответил уклончиво на запрос из Нью-Йорка, возлагая разрешение этого вопроса на Вас, тем более что у Вас находятся списки необходимых аппаратов и снаряжения.

Методика приобретения аппаратов и снаряжения мне не понятна. З.Лихтман, может быть, очаровательная дама во всех отношениях, но поручить ей приобретать аппараты, даже по детальному описанию, следует опасаться. Для этого надо хорошо знать техническую сторону дела. Так как ваш покорный слуга надеется войти в тесный контакт с будущими инструментами и аппаратами «Урусвати», то не проще ли будет поручить ему их покупку. Это сократит многочисленную дилетантскую корреспонденцию с Нью-Йорком, от которой я очень страдаю, ибо секретарши у меня нет, денег ездить в Нью-Йорк тоже нет, и приходится отхлопывать на моей старенькой машинке нескончаемые письма, которые абсолютно ни к чему не приводят.

Если у Вас есть свободные суммы и Вы хотите приобрести часть аппаратов, переводите эту сумму мне и я приобрету часть того, что у нас имеется в списке. Мое мнение по этому вопросу нижеследующее: аппараты нам сейчас не нужны, потому что нет лаборатории. В экспериментальной технике с каждым годом вводятся некоторые улучшения, посему лучше будет, если займемся закупкой аппаратов, когда все остальное будет готово.

Таким образом, вопрос сводится к лаборатории. План лаборатории, в той форме, в которой он был выработан прошлой зимой, что касается меня — окончателен. Я упомянул о elevation'e** (ваше письмо от 19-го) только потому, что Вы, если не ошибаюсь, выразили пожелание несколько изменить структуру здания, придав лишний этаж и этим согласовав архитектуру всей постройки с тибетским стилем. Для меня это все одинаково. Если Вы хотите второй этаж, может быть, туда можно будет поместить «раковые» изыскания, ботанику, — им в оборудованном здании будет способнее работать. Вашу мысль поместить лабораторию в непосредственной близости с другими зданиями могу только приветствовать. Спасибо за фотографии. Теперь ожидаю от Вас съемки места и инструкций касательно разработки плана.

* дарить (англ.)

** разрез, профиль (англ.)

Юрий Николаевич! Пора перейти от слова к делу.

На странице второй Вашего письма от 19.V.31 замечаю преждевременную кончину моего второго ассистента. Я боюсь, что нам придется его как-нибудь оживить. С остальным я согласен.

Пока шлю Вам свои лучшие пожелания на дела Ваши и прошу еще фотографий, особенно того места, где будет лаборатория, с нескольких сторон. Очень надеюсь, что Вашей матушке лучше. Мой глубокий поклон Николаю Константиновичу.

Искренно Ваш,

Вл. Перцов

6.*

29 Shepard Street,
Cambridge, Massachusetts.
13 июня 1931

Дорогой Джордж,

Среди многих писем, полученных недавно, есть письмо от Вашего доброго друга Зинаиды Лихтман, которое огорчило меня чрезвычайно. Она намерена купить кое-что из биохимического оборудования. Я постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы остановить ее. И, пожалуйста, помогите мне. В Вашем последнем письме Вы говорите о биохимических приборах, уже прибывших в Кулу (пожалуйста, пришлите мне их список). Поручая покупку биохимического оборудования людям, возможно, высококвалифицированным в других областях, но полностью несведущим в биохимии, мы в конце концов получим не лабораторию, а столовую.

Список, которым я снабдил Вас по Вашей просьбе, имел целью сбор денег в качестве даров на покупку отдельных предметов. Это не закупочный список. Для иллюстрации я скажу так: «Чистошерстяной синий костюм» — но ведь размер, стиль и прочие детали имеют решающий характер.

Для успеха нашего большого дела я серьезно прошу Вас предоставить мне маленькую привилегию лично выбирать приборы для лаборатории. Кроме того, я советую Вам ничего не покупать сейчас. Насколько я знаю, рабочие планы для лаборатории еще не разработаны. Зачем нужно

* Перевод с англ. яз.

оборудование, что касается точных электрических приборов (единственная часть, которую мы договорились купить в США), закупленное в спешке? Оно подвергается окислению и нуждается в постоянном уходе. К тому же, каждый год оно совершенствуется. Как я писал Вам раньше, все усилия должны быть сконцентрированы на том, чтобы создать либо временную лабораторию где-либо, либо постоянную в Кулу.

Я пошлю Вам предварительный план будущей работы в Институте, как только закончу одну срочную работу в Университете.

Искренне Ваш,

Владимир П.

P.S. Экстракты прибыли благополучно. Как я писал Вашему секретарю, ничего нельзя сделать без специального оборудования. Поскольку Университет отнимает очень много времени, кажется неразумным предпринимать такое обширное исследование, как выделение активного материала лекарственных растений. Мы должны иметь достаточно времени и необходимые технические средства, чтобы выполнить оригинальную работу, отвечающую таким высоким стандартам, которые принесли бы хорошую репутацию Институту.

В.П.

7.

29 Shepard Street,
Cambridge, Massachusetts.
7 ноября 1931

Дорогой д-р Рерих,

Получил Ваши письма от 1 и 10 октября. Прилагаю к этому письму план лаборатории, который, по моему мнению, неудовлетворителен. Ограничения из-за формы здания создают неудобное расположение комнат. Механическую мастерскую придется разместить вне здания в каком-нибудь сарае.

Вопрос о моем участии в работе в Кулу тесно связан с тем количеством времени, какое я смогу уделять исследованиям, и временем на преодоление «местных условий». Насколько я понимаю, «пионерский характер» предложения уже оставил лабораторию без достаточного электроснабжения.

Я не могу рассматривать вопрос о прибытии в Кулу, пока в здании не будут полностью установлены водопровод, проводка, комната с охлажда-

дением, вытяжные шкафы, а также простейшая мебель: лабораторные и письменные столы. Приезжать до установки всего этого было бы простой потерей времени. В Индии уже оснащали лаборатории, и материалы должны быть доступны. Если Вы не сможете найти некоторые детали, я буду рад найти их для Вас здесь, а также сделать необходимые схемы и чертежи.

Дело к тому же осложняется постоянной потерей писем. Три Ваших письма потерялись, и я не знаю, сколько моих дошло до Вас. Многие вопросы остаются без ответа, а следовательно я очень плохо информирован о некоторых проблемах, которые могут казаться неважными, но иметь значение при исследованиях.

Когда заказная почта теряется, вкрадывается элемент раздражения и недопонимания, который возрастает с длительностью времени, необходимого для ответа. Тщательно взвесив все это, я решил, что рассматриваемый вопрос о моем личном участии следует отложить до моей личной встречи с Вами. Это решение окончательное.

Я должен также обратить Ваше внимание на сомнительную информацию в газетах, которая, очевидно, может исходить только от Музея Рериха. Я еще не видел самых последних газет, но мне сказали, что «Нью-Йорк таймс» заявляет о дарственной сумме «Урусвати» на исследования рака, и что я уезжаю в Наггар весной возглавить эти работы по раку.

Как я уже однажды подчеркивал в письме в пресс-отдел Музея Рериха прошлой весной, предварительно написав об этом Вам, мое участие в работе Института в Кулу должно рассматриваться только как возможность. Кроме того, я был бы весьма Вам признателен, если бы Вы могли повлиять на Музей Рериха, чтобы они не выпускали заявлений в отношении меня, не передав их мне для подтверждения. Их манера самая бестактная. Г-н Шклявер рассказывал мне, что он также пострадал от подобных преувеличений и искажений.

На следующей неделе я пошлю Вам обзор двух книг и как можно скорее статью для журнала. Надеюсь, она дойдет до Вас вовремя. Посылаю Вам также книгу по фармакологии, которую Вы, возможно, захотите прочесть.

Позже я вышлю Вам еще один экземпляр письма, который заменит этот в случае потери.

Передайте, пожалуйста, мои чувства глубокого уважения профессору Рериху и Вашей матушке.

С наилучшими пожеланиями, остаюсь искренне Ваш,

В.А.Перцов

8.

13 декабря 1931

Дорогой Юрий Николаевич,

3 декабря послал Вам свою статью для следующего номера журнала. Не сетуйте на мой скверный характер по поводу моих критичизмов плана лаборатории и т.д.: я взялся быть советчиком по этому делу и понимаю свою «службу» серьезно. Некоторые промахи, вероятно, диктуемые местной обстановкой, меня чрезвычайно огорчают, ибо они затрагивают будущую работу научных сил лаборатории.

Независимо от моего личного участия в Институте, пожалуйста, не стесняйтесь меня беспокоить по вопросам, связанным с оборудованием лаборатории: в пределах моих знаний и свободного времени я всегда к вашим услугам.

Несколько освободившись от текущей работы, читаю Ваш монументальный труд.* Доехал с Вами до пределов Тибета. Вспоминаю свои странствия на автомобиле по киргизским степям. Ехать по этим степям много легче, но мы, так же как и Вы, потеряли верблюжий караван с бензином, но благодаря сравнительной населенности местности, легко его нашли.

Познакомился здесь с замечательным русским изобретателем Борисом Нагашевым (его знает Сергей Иванович Метальников). Его область — электрические изобретения, и в этой области он воистину русский самородок. Например, он изобрел аппарат, который автоматически записывает все движения человека в комнате, не прикасаясь к нему и будучи им невидимым. Единственный его недостаток, что он слегка жуликоват (в денежном отношении). Происходит он из казаков, и в этом сословии (я их знаю) это не считается лихом, а скорее ловкостью.

Хорошо бы его добыть для будущей работы. В психологических изысканиях он будет неоценим. Одно боюсь, что он изобретет что-нибудь действительно полезное, заработает деньги и сделается американцем.

Здесь все Ваши знакомые пока живы и здоровы. Все страдают от безденежья и безработицы. Деньги куда подевались, неизвестно: в 29-м году были, а сейчас сгинули... одни говорят, что они у немцев, другие — что лежат запрятанные, третьи уверяют, что их вообще никогда достаточ-

* Roerich G. Trails to Inmost Asia. Five Years of Exploration with the Roerich Central Asian Expedition. New Haven — London: Yale Univ. Press — Oxford Univ. Press, 1931.

но не было и что жили обещаниями. Эти последние уверяют, что их еще надо напечатать. Пожалуй, это неплохая мысль...

Пока шлю Вам свои лучшие пожелания к наступающим праздникам. Пишите.

Искренно Ваш,

Владимир Перцов

9.

6 июля 1932

Дорогой Юрий Николаевич,

Получил Ваше письмо от 2-го июня с неделю тому назад, но не успел раньше ответить. Я собираюсь на будущий год взять sabbatical year* и провести его во Франции над писанием одного научного сочинения, которое я уже задумал несколько лет тому назад. По этому случаю я ликвидировал свою библиотеку, квартиру, тысячу ненужных вещей, запаковав часть для возможной иммиграции в Кулу, а остальные отвез в летний дом, сюда. Все это заняло много времени и значительных физических трудов. Но сейчас чувствую, что груз вещей несколько ослабел, это освобождает от многих ненужных забот.

На днях прочел добрую весть, что Музей Рериха снова свободное учреждение. Сейчас самое важное сговориться с бондхолдерами,** которые, вероятно, снова постараются наложить ресивершип.***

Затишье в делах здесь продолжается и, вероятно, продолжится до после выборов президента. С этим, конечно, связано падение ценностных вещей со значительными финансовыми ликвидациями. Америка зарвалась, а сейчас находится в панике. Явление это чисто психологическое, ибо вся жизнь американца ориентирована была на материальный успех, сейчас этот материальный успех стал невозможен и стало нечем жить. От этого происходит полная диссоциация чувств и дрожание в поджилках.

Пока письма с фотографиями, о котором Вы пишете, не получил. Еще пишите о себе, что делаете и над чем работаете.

Привет всем.

Искренно Ваш В.П.

* годовой отпуск (англ.)

** bondholders — держатели долговых обязательств (англ.)

*** receivership, здесь: исполнительный лист (англ.)

10.

Meadow Brook Farm,
Hubbardston, Massachusetts.
6 августа 1932

Дорогой Юрий Николаевич,

Получил Ваше письмо от 7-го июля, а также великолепную фотографию лаборатории, которая сейчас украшает мой камин. Присылайте еще!..

За проспект книги Onslow'a Вы меня поблагодарили, так сказать, «передним порядком», ибо я запамятовал и Вам его не послал. Прилагаю при сем.

Спасибо за приглашение сотрудничать в журнале «Урусвати». У меня сейчас в эмбрионическом состоянии статья об оптике аминокислот. Если хотите, я Вам ее приготовлю для одного из будущих номеров журнала.

Мои личные планы несколько изменились, и я, вероятно, буду работать над книгой в США. Адрес мой после 30 сентября — 135 Jvy st., Brookline, Mass.

Получил письмо (в ответ на мое поздравление о выигранной победе) от г-жи Лихтман.* Она мне также посылает всякие вырезки касательно Музея Рериха.

С философической точки зрения существующий экономический кризис имеет огромное педагогическое значение. Ажиотаж и спекуляция должны быть подчинены законам вероятности. Значительное количество людей, как говорится, «ударилась мордой об стол», и от этого удара у них просветлели мозги.

Неблагонадежность материального мира повернет многих в сторону духовного роста, в котором постоянство и рост зависит от сил неизмеримых и в материальной сфере не существующих.

Пока с приветом всем работникам.

Искренно Ваш,

В.Л.

P.S. Скоро напишу еще.

* З.Г.Фосдик (Лихтман), вице-президент Музея Рериха в Нью-Йорке.

11.

Hubbardston, Mass.
4 сентября 1932

Дорогой Юрий Николаевич,

Давно от Вас нет писем. Как подвигается дело с лабораторией? Закончено ли здание? Не знаю, как я Вас могу уговорить посылать мне побольше фотографий, все что у Вас делается (а Вас без дела я не могу себе представить), меня живо интересует, и мне хотелось бы увидеть, что возможно, хотя бы отраженное в одной плоскости.

Узнал из газет, что управление имуществом Музея попало в благожелательные руки. Это к добру, но к сожалению время идет, и я боюсь что еще возьмет долго, пока Музей сможет расплатиться с накопившимися долгами. Но, конечно, не имея всех данных под рукой, судить об этом трудно.

Удалось ли Вам снарядить этим летом экспедицию в Малый Тибет? Сейчас читаю сочинение A.David-Neel «Initiations and Initiates in Tibet» (London, 1931). Хотя тон у нее искренний, но мне кажется, что временами она что-то путает. С внешней стороны описание местами очень интересное. Сравнения с некоторыми другими культурами тоже метки.

Не смогли ли бы Вы мне послать (в маленьких пакетиках, в письмах) некоторое количество достопримечательных семян лекарственных растений. Я собираюсь провести будущее лето в США, и мне хотелось бы посеять и посмотреть, что взойдет. Я думаю, что однолетние растения вырастут хорошо, ибо солнце здесь жаркое.

Мой привет всем работникам.

Духом с Вами,

Владимир П.

12.

24 сентября 1932

Дорогой Юрий Николаевич,

На днях получил Ваши замечательные фотографии лаборатории. Выглядят на «ять». Сообщите, для чего мост, соединяющий скалу с верхним этажом лаборатории: для доставки материалов в кладовую? Или же это апартамент для директора? — выглядит уж очень шикарно для склада.

Остались ли у Вас карбованцы на оборудование лаборатории? На обстановку и прочее?

Часть поверхности земли, которую Вы оставили, продолжает жить приблизительно так же. Особых небесных явлений не было, кроме полного солнечного затмения. Небо милостиво скрыло это совпадение густым покровом облаков.

Могущественный принц Рузвельт пытается завладеть тронем США, на котором, как Вы помните, сидит принц Гувер. Владетельный принц Рузвельт, вместо того чтобы, как наши монгольские прародители, обнажить меч, ведет разговоры, уподобляясь сим венецианской собаке. Подобием своим она напоминает попа Урбана I, но размах не тот. Суетливость в нем. Что пока будет, неизвестно, но боюсь, что дело возьмут в свои руки ветераны крестоносного похода на Европу. В них большой вес, и они очень недовольны.

В громкоговорители глашатаи говорят, что житницы принца Гувера ломятся от хлеба. В народе же есть голодные. Сегодня говорили, что принц-Гувер будто — пшеницу хочет отсылать в Китай, там де надобность большая. Волнует это народ, и к принцу Рузвельту льнут все недовольные.

Из Вашего свободного города Нью-Йорка князя Вокера высадили. Говорят, крал, — не думал, что в этом городе сие почиталось за грех. Вокер сел на корабль и едет в Италию жаловаться папе римскому.

Черторижский* князь Михайло Данилов шлет вам свои нижайшие поклоны с семечками. Голова его поседела, но в голове все та же пакость: дьяволы его склонили играть на бирже. С этого он страдает желчью и разливами, а ночью — мелкой дрожью.

Гражданин Чураевки Гребенщиков продавал советские безделушки в ограде православного храма, за что его печатью продернули. Не след касаться грязных вещей — замараешься. Все понимают, что доходы его сейчас маленькие, но не сходи — держись прямо.

Церковное здесь имущество вовсе запуталось, и не знают, в какую сторону тянуть. Три здесь епископа, все 3 самоставленники, а Бог один. А грехи-то, Господи, многоличны.

Рад, что Вы с высот сошли и к дому приблизились. Поди страшно — дороги-то у Вас не обозначены.

Как видите, новости все маленькие. Живут, примерно, как Вы их оставили. Привычка — большая сила.

Ваш В.

* Сарказм автора; правильно: Чаторижский, княжеская фамилия, происходящая из Риги.

13.

28 октября 1932

Дорогой Юрий Николаевич,

Получил Ваше письмо от 28.IX.32. Передайте, пожалуйста, мои поздравления В.А.Шибяеву. От приложения его сил и знания выросло замечательное здание. Сожалею, что технические вопросы задерживают внутреннее устройство: если Вам надо какие-либо сведения от меня, пожалуйста, их не скрывайте, пишите, и я с радостью Вам сообщу, по мере моих сил.

Продолжаю преподавать в Гарварде, но больше времени посвящаю научной работе. Сейчас заканчиваю большой опус о гидролизе одной пептиды. Это явление общее в организме и является первым шагом к синтезу живой материи и последним в распаде белка. Хочу, если успею, послать в январский номер вашего журнала маленькую статью (3-4 страницы) о значении так называемого принципа неопределенности в изучении живой материи. Спасибо за приглашение участвовать в журнале «Урусвати».

Закончив эти работы, начну работать над книгой, о которой Вам писал. Собрал уже значительный материал: больше тысячи справок. Технически работа — по гомологическим сериям в органической химии, фактически мне хотелось бы продвинуть идеи Менделеева (периодическая система элементов) в область органической химии. Существует много работ в этой области, но эти материалы не были собраны и из них ничего до сих пор не было построено.

Как всякая работа с исчислением количества и связи разных величин, мой опус займет много времени. Я не надеюсь закончить его ранее двух лет.

На днях купил значительное количество старых книг на распродаже английских библиотек. Благодаря финансовому кризису многое поразительно дешево. Например, я купил «Histoire de France par M. l'Abbe. Velly-Paris, 1770» в десяти томах в прекрасных переплетах за десять долларов! Купил также несколько книг по истории Индии.

Где находится д-р Кельц? Возвратился ли он в США? Не смогли ли бы Вы сообщить мне его адрес?

Пока крепко жму Вашу руку.

Духом с Вами. Привет всем.

Ваш Владимир П.

14.

28 декабря 1932

Дорогой Юрий Николаевич,

Получил Ваше письмо от 17-го ноября, но несколько задержался с ответом. Спасибо за фотографии и вашу статью.

Пока никаких запросов от Biochemical Laboratory Committee* не получил. Всегда рад им помочь всем, чем могу. Насколько я помню, имеется два списка лабораторного оборудования: один более или менее полный, а другой — составленный специально для получения субсидий на индивидуальные аппараты. В нем каждый аппарат вкратце описан, и дана цена. Я думаю, что Комитет может начать с этого списка. Я с удовольствием укажу, где их можно купить. Эти аппараты нужны и представляют, так сказать, «остов» экспериментальной работы. Без них начать работу нельзя. Когда найдены будут суммы для этих аппаратов, я с радостью приступлю к дальнейшей работе. Но сейчас ни на какие списки, батюшка, меня не уговорите. Знаете, есть такая русская поговорка о мякине и воробье.

Общую сумму необходимо, со всеми урезками по случаю, учитывать, я вам писал, и она должна быть известна Комитету. Таким образом у Комитета имеется цель, а также план для первых шагов. Это все, что необходимо для любого комитета. Если я им сообщу, что необходимо, скажем, 67 узкогорлых бутылок по 20 куб. дюймов, это, так сказать, никакого представления никому не даст.

Пока с приветом,

В.П.

P.S. Посылаю одновременно письмо секретарю об электрической материи и посылаю Вам книжку обыкновенной почтой.

15.

26 января 1933

Дорогой Юрий Николаевич,

Давно от Вас нет писем (последнее, что получил, от 24.XI.32).

С грустью прочел в газетах, что у Музея Периха отобрали суммы, которые полагались на культурную деятельность. Это глупо и не рации-

* Комитет Биохимической лаборатории (англ.)

нально. Но американский бизнесмен, как и многие другие, когда прижать к стенке — звереет...

Хотя я плохо знаком с финансовым положением Музея Рериха, узнавая о пертурбациях главным образом из газет, но мне кажется, что очень было бы хорошо, если Николай Константинович смог бы приехать в Америку. С его именем и авторитетом, он смог бы многое сделать. Насколько я могу судить, на доходы от квартир в Музее Рериха на многие годы надо поставить крест. Для существования Института «Урусвати» средства надо искать где-то в другом месте. Мне кажется, несмотря на то что многие фонды и пострадали, суммы, которые необходимы, настолько невелики по сравнению с тем, что они тратят, что их можно выжать. Конечно, дело это грязное и противное, но кому-то надо за это взяться. Браться надо тому, кто может по своим заслугам рассчитывать на хотя бы частичный успех.

Не хулите меня, что я вмешиваюсь не в свое дело. Corresponding member of the Institute must correspond.*

Искренно Ваш,

Владимир П.

16.

Brookline.
19 марта 1933

Дорогой Юрий Николаевич,

Получил Ваши письма от 2-го и 23-го февраля.

Боюсь, что финансовые препоны отложат физическое открытие лаборатории до неопределенного времени. Из Ваших писем догадываюсь, что гидроэлектрическая станция находится на точке замерзания. Будем надеется на «чудесные» элементы.

Чудеса, которые происходят от соединения индивидуальных стремлений, здесь пока отрицательного порядка: как Вы, наверно, знаете из газет, 40 миллионов идиотов принялись выгребать свои вклады из банков, но так как физические деньги (бумажки и золото) покрывают только 1/5 всех вкладов, этот метод обогащения потерпел фиаско. Сейчас публика несколько одумалась и остыла, и все пришло в нормальное русло.

Как журнал? Вышел? Вы в Ваших письмах о нем не упоминаете.

* Член-корреспондент Института должен корреспондировать (англ.).

Сейчас у меня много работы, мои студенты заканчивают тезисы.
Извините за краткое письмо.
Пишите.

Ваш В.Л.

17.

Meadow Brook Farm,
Hubbardston, Massachusetts.
10 июня 1933

Дорогой Юрий Николаевич,

Получил последний том журнала «Урусвати» и весьма приятно поражен его размером и также интересным содержанием. Несмотря на «депрессию», Вам удалось выпустить замечательный номер журнала.

Хвала и честь директору и всем присным!

В деревню я переехал в этом году несколько раньше. Вышло это очень удачно, так как лето здесь началось тоже преждевременно: вот уже пятый день как температура днем подымается до 90 F (32° C). Как Вам писал, собираюсь в середине августа направиться во Францию. Конечно, сейчас довольно трудно определить, где остановится инфляция доллара, но я полагаю, что доллар будет стабилизирован в районе 20 фр. Мой адрес во Франции: n/î Morgan et C-ie, 14, Place Vendome, Paris.

Собираетесь ли Вы в экспедицию в этом году? Если уехали, то мое письмо, вероятно, займет значительный промежуток времени, пока доберется до Вас.

Америка как будто привыкает к депрессии. Сперва казалось невероятным, что американцы могут быть бедными, но сейчас кажется, что и это возможно. Весь мир приходит постепенно к одному уровню. Принимаются многие меры для улучшения финансового положения, и мне кажется, что самое скверное позади.

Духовная скверна находится приблизительно на том же уровне, т.е. где-то между помойной ямой и ватерклозетом. Нет живой воды, чтобы обмыться. С ослиной упорностью «прет народ» на то же экономическое место, которое порвалось в 1929 году. The spirit of 1929 is here.* Масштаб упирается в облака, где полагается быть Богу.

* Дух 1929 года всё еще царит здесь (англ.).

Пришлите мне некоторое количество моих оттисков: 20 экз. — № 25, 5 экз. — № 7 и 5 экз. — № 28. При сем прилагаю перевод на \$ 2.75. (Послано отдельно).

Пока жму Вашу руку.

Шлю самое хорошее Вашим сотрудникам.

В.П.

18.

Meadow Brook Farm,
Hubbardston, Massachusetts.
18 июля 1933

Дорогой Юрий Николаевич,

Получил Ваше письмо от 3.V.33 с некоторым запозданием. Спасибо за сведения об электрической станции. Очень сожалею, что дальнейший прогресс в оборудовании лаборатории сильно задерживается. Но вы в этом отношении не одиноки. Многие из моих знакомых во времена благополучия сильно зарвались и сейчас находятся в печальных состояниях.

Я сейчас тоже нахожусь в печальных состояниях: франк идет все в гору, несмотря на все предсказания, и существование во Франции становится недостижимым. Пока отложили свой отъезд до 15-го сентября, со слабой надеждой, что Франция к тому времени отрешится от золотого стандарта.

Оттиски моей статьи из Нью-Йорка я не получил. О тех, о которых я Вам писал, если Вы их еще не послали, лучше будет, если пошлете сюда. Если же послали в Париж, может быть, будете настолько любезны и пошлете вдогонку наставление переслать сюда. Американский адрес у Морганов наш есть, но они в этом отношении не особенно внимательны.

Сейчас читаю разные путешествия в средневековые времена в Азию. Особенно меня поразило описание Марко Поло. К стыду моему, я впервые прочел его книгу. Какой поразительный масштаб существовал в Азии, замечательная чистота мысли и свобода от предрассудков.

Пока, крепко жму Вашу руку.

Привет всем соратникам.

Ваш Вл. Перцов

19.

American Export Lines.
On board S.S. Exochorda, около Гибралтара.
24 октября 1933

Дорогой Юрий Николаевич,

После многих сомнений, купив некоторое количество франков, мы в конце концов отплыли из США. Как писал, едем в Монпелье, и как только там найдем помещение, я вам напишу местный адрес; пока Morgan et Cie, 14, Place Vendome, Paris — найдут меня.

Не собираетесь ли Вы посетить Европу, хорошо бы нам (включая Георгия Гавриловича*) собраться вместе и побеседовать о делах небесных и земных. Если хотите, я могу приехать в Египет, но дальше моя «кунёза» меня не повезет.

Как идут у Вас дела? Ездили ли куда этим летом?

С нами здесь едет католический ксёндз из Роопа, он там находится при апостолическом делегате папы римского. Много мне рассказывает об Индии, слышал о Вас, но считает Вас большевистскими шпионами. Пытаюсь его разубедить. Газетная заметка об отказе Вам в визе в Индию по-видимому обошла вокруг света и запомнилась. В нашей газетной цивилизации о людях знают только, когда они помирают или когда какой-нибудь скандал случится с ними.

Когда мы уезжали из США, положение там довольно было запутанное. Из радиотелеграмм видно, что Рузвельт продолжит свои экономические опыты, но я думаю, что вряд ли из них что-либо выйдет.

Пока всего Вам хорошего.

Напишу еще по приезде в Монпелье.

Ваш В.П.

20.

Montpellier, 21 ноября 1933

Дорогой Юрий Николаевич,

Получил Ваше письмо от 11 октября, которое съездило в Америку и возвратилось сюда. Послал Вам письмо из Марсея.

* Г.Г.Шклявера, секретаря Французской Ассоциации друзей Музея Рериха.

До сих пор ищем квартиру. Мы приехали сюда с мыслью, что здесь тоже депрессия и перепроизводство всего. Квартир меблированных здесь не оказалось, и после многонедельной беготни мы, наконец, нашли одну, которая как будто освобождается 1 декабря. Как только туда переедем, сообщу Вам более или менее постоянный адрес.

Город мне очень нравится. Отличная опера, университет, много интересных зданий и интересных людей. Город небольшой, и через десять минут на велосипеде — вы за городом. Климат здесь не суровый — сейчас цветут розы; иные года мороза не бывает до Рождества. В ботаническом саду много индусских растений, имеется также довольно чахлый экземпляр вашего кедра. С заведующим сада еще не познакомился. Постараюсь от него узнать, что есть ценного в ботаническом саду.

Занимаюсь изысканиями в университете. Лаборатории у них неплохие, но страдают касательно материальной части, слабо. Отношение ко мне очень хорошее.

Как дела у Вас? Составлять словарь — это труд большой и кропотливый.

Я предпочел бы посылать мои письма на Imperial Airways,* Вы не знаете, как они сейчас летят, через Италию или Грецию? Это письмо пошлю по французской линии.

Прилагаю при сем проспект. (Книгу возвращаю Вам обыкновенной почтой). Статью пошлю вам в середине декабря. Сейчас не могу ее отредактировать, ибо все мои материалы в сундуках. В пансионе, где мы пока существуем, как говорится — «местов нет».

Пока крепко жму Вашу руку.

Привет всем,

В.

21.

1 bis Rue Ecole de Droit, Montpellier.
17 декабря 1933

Дорогой Юрий Николаевич,

Поздравляю Вас и всех Ваших с наступающими праздниками и Новым годом! В новом году желаю немножко больше денег (для Института), поменьше социализма в американских штатах, ограждение от

* Королевские авиалинии (англ.)

войн, мора, землетряса и т.д. Как видите, много Вам желаю, но все вещи возможные.

Здесь же все желают вещи почти невозможные: выиграть пять миллионов франков в национальной лотерее, свержения большевиков и т.д. Отсюда происходят разочарования, и год выходит скверный. Самое важное, это желать скромно — глядишь, и год выйдет неплохой.

Пребыванием своим во Франции я много доволен. США — это вроде сумасшедшего дома, всегда было, а сейчас в особенности. Здесь же исторический фундамент есть, все идет от основания. Много грязи намыла демократия, но все же через нее видно. В Америке же ничего не видно, ибо с демократии и началось.

В работе моей я занимаюсь всякими оптическими упражнениями в области химии. Сильно занят и боюсь, что статья моя запоздает, ибо смогу только ей заняться на Рождество. Если она опоздает к этому номеру, оставьте ее до следующего.

Что делается в Индии? Здесь во французских газетах мало о ней пишут. Если у Вас есть какие старые номера журналов индусских и Вам не надо — пошлите мне их. Иногда следует посмотреть и на внешнюю сторону дел земных.

Пока шлю Вам сердечный привет.

Ваш В.П.

P.S. От Отренса ни слуха, ни духа, — знаете ли что-либо о нем?

На всякий случай, если год выйдет скверный, хотите я Вам куплю билет на национальную лотерею?

Еще раз В.П.